

ТРАДИЦИОННЫЕ ЖЕНСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ МОРДВЫ В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Корнишина Галина Альбертовна,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»

(г. Саранск, РФ), g.kornihina@mail.ru

Введение. Головной убор как один из элементов традиционного костюма довольно долго сохранял этнические признаки. Он был своеобразным маркером этнически обусловленного мировосприятия своего носителя и показателем его этнической и территориальной идентичности. Наиболее устойчивыми идентифицирующими свойствами обладал женский головной убор. Исследование было проведено с целью создания типологии женских головных уборов, традиционно бытовавших в среде мордовского населения, в контексте этнической и территориальной идентичности их носителей.

Материалы и методы. Были исследованы и обобщены материалы, содержащиеся в научных трудах, дающих представление о рассматриваемой проблеме, а также использованы полевые материалы автора, собранные в этнографических поездках. Для достижения цели исследования использовался сравнительно-исторический метод.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование различных типов женских головных уборов мордвы выявило разнообразие их форм, материала изготовления, приемов декора и способов ношения. Особенности этих элементов традиционного костюма были тесно взаимосвязаны с этнической и территориальной идентичностью их владельцев. Свои типы головных уборов имели не только представительницы основных субэтносов мордвы (мокши и эрзи), локальные варианты отмечены и в среде более мелких этнических и территориальных групп народа.

Заключение. Женский головной убор мордвы выступал одним из важных этнодифференцирующих признаков, который визуально демонстрировал окружающим, к какому этническому, территориальному, родовому социуму принадлежит его носитель. Данная функция в определенной мере сохраняется и в настоящее время. Даже в тех регионах проживания мордвы, где из памяти местного населения стерлись практически все сведения о традиционной одежде, люди стремятся восстановить ее отдельные элементы, в том числе головные уборы, которые становятся своеобразным национальным символом, знаком сопричастности к своему народу.

Ключевые слова: мокша; эрзя; головные уборы; локальные комплексы; этническая идентичность; этнокультурные маркеры.

Для цитирования: Корнишина Г. А. Традиционные женские головные уборы мордвы в контексте этнической и территориальной идентичности // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 2. С. 184–193.

Введение

В современном мировом и российском социокультурном пространстве происходят большие изменения, влияющие на всю жизнедеятельность людей, в том числе на механизмы формирования и сохранения национального самосознания и такого его базового феномена, как национальная идентичность. Вследствие этого представители этнических сообществ стараются найти пути, которые позволили бы упрочить ее, наладить овладение отдельными представителями того или иного этноса эталонами и этническими стереотипами поведения, нормами и ценностями, посредством которых возможно становление эт-

нически обусловленного мировосприятия. Значимую роль в этом отношении играют основные компоненты национальной культуры, в частности традиционная одежда.

В данной статье в качестве важного этнокультурного маркера нами рассматриваются женские головные уборы мордвы. Женский головной убор традиционно являлся не только элементом традиционного костюма, но и показателем социо-возрастного, материального положения своего носителя. На протяжении длительного времени он свидетельствовал об этнической и территориальной идентичности владельца.

Обзор литературы

Изучение традиционного костюма мордвы вообще и такого важного его компонента, как головной убор, имеет длительную историю. Научные исследования по данной тематике появились в XIX – начале XX в., когда А. А. Шахматовым, В. Н. Майновым и другими исследователями были созданы обобщающие труды по истории, этнографии, фольклору мордвы [12; 18]. Помимо описания национальной мордовской одежды, в том числе головных уборов, в этих работах содержалась характеристика ее этноидентификационной составляющей, в частности приводились сходства и различия головных уборов двух субэтносов мордовского народа – мокши и эрзи, а также отдельных территориальных групп. О локальных вариантах костюма территориальных групп мордвы сообщали М. Е. Евсевьев¹ и А. Хейкель [15]. В 1920–1930-х гг. комплексы народной одежды мордовского населения различных регионов исследовали Н. И. Спрыгина, П. Д. Степанов и др. [10; 11].

Во второй половине XX в. В. Н. Белицер разработала теоретико-методологические основы исследования данной области этнической культуры мордвы [1; 2]. Используя полевые материалы, она охарактеризовала различные типы и варианты традиционной одежды мордвы и предложила классификацию ее территориальных и половозрастных комплексов. Большую роль в изучении вопросов, связанных с идентификационным значением головных уборов не только мордвы, но и других народов Поволжья, сыграла монография Н. И. Гаген-Торн «Женская одежда народов Поволжья» [3]. Отметим также статью В. П. Ежовой, посвященную мордовскому населению Теньгушевского района Мордовии, так называемой мордве-шокше, в которой подробно описан локальный костюм местного населения [4].

На рубеже XX–XXI вв. исследователей традиционной культуры мордвы

продолжают интересовать процессы изготовления традиционных элементов одежды, в том числе головных уборов [9]. В ряде работ головные уборы мордвы рассматриваются как важный культурный маркер, свидетельствующий о принадлежности их носителей к определенной социальной, возрастной и этнической группе [6; 8; 13; 14].

Материалы и методы

Для достижения цели данного исследования использовался сравнительно-исторический метод. Он позволил посредством анализа основных типов головных уборов, традиционно бытовавших в среде мордовского населения, показать, что они служили важным маркером этнической и территориальной идентичности их носителей. В процессе работы над статьей был проведен историографический анализ научных трудов, который дал возможность получить необходимый теоретико-методологический и фактологический материал по рассматриваемой проблеме. Этот материал был дополнен полевыми сведениями автора, при сборе которых использовались методы полевых исследований, в частности наблюдения и интервьюирования.

Результаты исследования и их обсуждение

Головной убор являлся значимым элементом общего комплекса традиционного костюма. Кроме выполнения утилитарной функции он имел большое эстетическое значение, отражал социальный статус человека и его принадлежность к половозрастной группе. Головной убор также был своеобразным маркером принадлежности носителя к определенному этническому, территориальному и родовому социуму. Наиболее стойко эти идентифицирующие свойства сохраняли женские головные уборы. Что касается мужских головных уборов, то они довольно рано потеряли знаковые маркировки.

Традиционные женские головные уборы мордовок были очень разнообразны.

¹См.: Евсевьев М. Е. Мордовская свадьба. Саранск, 1990.

Обычно в научной литературе их подразделяют на две основные группы: девичьи головные уборы и головные уборы замужних женщин.

Самыми распространенными головными уборами девушек-мордвонок были налобные повязки, которые оставляли открытыми волосы на макушке. Подобные повязки были характерны для многих народов Восточной Европы. Д. К. Зелениным они были описаны в качестве девичьего головного убора восточных славян [5, 376]. Н. И. Гаген-Торн зафиксировала их у южнорусского населения и русской мещеры бывшего Моршанского уезда Тамбовской губернии. Здесь еще в 1920-е гг. на свадьбу девушки надевали высокий твердый венец из луба, обшитый материей, украшенный лентами и бисером, – *ленка* [3, 151]. Налобные повязки широко бытовали и у финно-угорских народов Урало-Поволжья – марийцев, удмуртов, а также тюркских этносов – чувашей и башкир.

Девичьи повязки мокшанских и эрзянских девушек были во многом похожими, хотя некоторые их локальные варианты отличались по характеру декора, манере ношения, цветовой гамме. Например, у эрзи, проживавшей в восточных районах Республики Мордовии и соседних с ними районах Ульяновской области и Чувашской Республики, девичьи повязки назывались *паця коня*, т. е. ‘платок, надеваемый на лоб’, или *коня лента*, т. е. ‘налобная лента’. В различных районах они изготавливались и украшались по-разному. Так, в Кочкуровском районе Мордовии девичья повязка представляла собой венчик из красного атласа или кумача, плиссированного по верхнему краю, с пучком разноцветных лент, спускавшихся на спину; в Атяшевском – нашитую на картон полоску шелковой ткани с розетками из разноцветных лент и плоских пуговиц [2, 141]. У самарской мордвы это была узкая полоска кумача с нашитыми на нее украшениями из бисера и блесток. К концам повязки прикреплялись ленты, которые спускались на спину.

У эрзянского населения Теньгушевского района Мордовии, так называемой

шокши, бытовал тип девичьего головного убора *пехтим*, который у соседних народов именовался *такъя*, *тухья*, *тохья*. Он представлял собой маленькую полусферическую шапочку из холста, сплошь покрытую украшениями из бисера или монет [4, 146–147].

Некоторую связь с тахьей имел и головной убор терюшевской мордвы *венец*, описанный А. Хейкелем. Спереди надо лбом и ушами он состоял из скрепленных между собой серебряных монет, образуя подобие шлема. Сзади по затылку, до половины спины спускались низки раковин-ужовок и шерстяная бахрома. Ниже ушей, спереди, к венцу прикреплялись гусиные пушки, от которых на грудь опускались полосы материи, покрытые расположенными в один продольный ряд серебряными монетами [15, табл. I, II].

Девичьи повязки мокшанок также были весьма разнообразны. По сообщению А. Хейкеля, у мордвы-мокши д. Каргашино бывшей Тамбовской губернии (ныне Зубово-Полянский район Республики Мордовия) бытовал твердый венец из луба, покрытый материей с позументом, пуговицами и лентами, носивший русское название *лента*. Кроме того, он зафиксировал девичьи повязки из домотканых с украшенными концами узких полотенец [15, табл. XVIII, XXIV].

В Зубово-Полянском районе была распространена также девичья повязка *звязка*. Ее делали из луба или картона, обтянутого кумачом, спереди покрывали геометрической вышивкой из бисера, а по краю нашивали черную и красную бахрому из шерстяных нитей или перья утки, селезня – *кудрят*.

В Инсарском, Ковылкинском, Старошайговском районах девичий головной убор назывался *ашкоркс*, *ашкотф*, *пурдавкс*, *лента*. Это была полоска холста, обшитая кумачом или сатином и украшенная бусами, стеклярусом, бисером, пуговицами. После того как традиционные головные уборы исчезли из быта мордвы, ее стали носить поверх платка. Повязка уменьшилась в размере и стала напоминать налобное украшение; в

таким виде она сохранилась до наших дней².

В комплекс женского костюма мокши центральной группы (Старошайговский и Краснослободский районы Республики Мордовия) входила девичья головная повязка *копявкс*. Это был платок из парчи, свернутый несколько раз вокруг полосы бересты или картона. Он венцом поднимался над головой и завязывался концами на затылке [2, 145].

Женский головной убор, который в отличие от девичьего должен был закрывать волосы, отражал перемену социального статуса владелицы – вхождение в группу замужних женщин, а также переход в новую семью. Недаром, например, у эстонцев девушка считалась замужней женщиной не после венчания, а после того как на нее надевали чепец [19, 87].

Головные уборы у замужних мордочков были еще более разнообразными, чем у девушек. Они четко различались по внешнему виду, элементам и материалам, из которых изготавливались, т. е. были явственными маркерами принадлежности женщин не только к этническим группам (мокше, эрзе, терюханам и пр.), но и к их территориальным подразделениям. Среди представительниц последних часто бытовали оригинальные уборы, которые больше нигде не встречались. Одним из первых разницу во внешнем виде женских головных уборов мокши и эрзи зафиксировал еще И. Г. Георги, отметивший, что головные уборы эрзянок гораздо выше мокшанских и украшены богатой вышивкой³.

Действительно, у эрзи были широко представлены высокие головные уборы на твердой основе различной формы. Наиболее распространенный головной

убор эрзянок восточной группы *панго* имел несколько подвидов. Для бывших Ардатовского и Алатырского уездов Симбирской губернии были характерны рогообразные панго, а для Карсунского и Буинского – лопатообразные и полуцилиндрические [10]. Основой этого головного убора был луб, который сверху покрывался красной шерстяной материей. Передняя часть панго украшалась бисером, медными цепочками, а также геометрической вышивкой, выполненной нитками черного цвета. Для того чтобы закрепить его, мордовки использовали завязки, о чем есть упоминание в одной из мордовских песен:

На голову повяжу я пангу,
Пангу укреплю я завязочкой⁴.

Высоким головным убором на твердой основе, бытовавшим у эрзянского населения бывшего Городищенского уезда Пензенской губернии, был и так называемый *клубук*. Его изготавливали из бересты или луба в форме полуцилиндра. Особенностью клубука была длинная затылочная часть из холста, украшенная вышивкой и бахромой, снизанной из бисера⁵. Как правило, клубук носили с накиннутым сверху большим белым платком. Н. И. Спрыгина, изучавшая народную одежду пензенской мордвы, считала, что такая манера ношения головного убора появилась под влиянием соседнего мокшанского населения [10, 21].

Еще одним видом женских головных уборов, распространенных у эрзи, была *сорока* (*сорука*, *клубик*), которая состояла из нескольких составных частей. И. И. Лепехин писал, что она шьется из холста и украшается по лопалям вышивкой из разноцветной шерсти⁶. Ос-

² Полевой материал автора: экспедиция в сентябре 2018 г. в с. Новые Верхиссы Инсарского района Республики Мордовия (информанты: У. Е. Артамонова, 1947 года рождения, З. И. Ломакина, 1953 года рождения) (далее – ПМА).

³ См.: Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Санкт-Петербург, 1799. Ч. 1. С. 51.

⁴ Евсевьев М. Е. Народные песни мордвы // Избранные труды. Саранск, 1963. Т. 2. С. 445.

⁵ ПМА: экспедиция в июне 1994 г. в с. Тешнярь Сосновоборского района Пензенской области (информант: М. Ф. Тютинина, 1916 года рождения); в с. Вечкилей Никольского района Пензенской области (информант: Н. А. Пронина, 1910 года рождения).

⁶ См.: Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. Санкт-Петербург, 1771. С. 169.

нову сороки составлял твердый холщовый чепец в виде трапеции – *сорока коня*. К нему пришивались широкие боковые части, которые имели длинные концы-завязки – *сёлмот*, а также заднее полотнище – *хвост-пуло*. Перед сороки орнаментировался сплошной объемной вышивкой красного цвета.

Своеобразный вид сороки под названием *сорка* бытовал у теньгушевской мордвы-эрзи. Он состоял из холщового полотнища полуовальной формы, которое образовывало переднюю часть головного убора. Под ней простегивался плотный прямоугольник – *лопатка*, а сверху на полотнище нашивались ряды золотого позумента – *мошара*. По нижнему краю полотнища шли два ряда позумента и между ними вышивка – *сорокань-коня*. С боков к очелью пришивались холщовые завязки – *сорокань-пилеть*. Верхнюю часть головы покрывал прямоугольный холст – *пасмо*, к которому прикреплялся позатылень – *пуло*. Холст длиной 70 см закрывал почти всю спину женщины. Весь головной убор обшивался белой фабричной тканью. Под сорку надевался *волосник* (мягкий чепчик) [4, 148–149].

Среди эрзянского населения Заволжья (современных Самарской, Оренбургской и Ульяновской областей), а также Татарии и Башкирии бытовала сорока несколько иной конструкции. Это была холщовая шапочка округлой формы, к которой прикреплялась задняя лопасть. Практически вся поверхность сороки покрывалась плотной вышивкой, выполненной в темно-красных и синих тонах. Сверху на вышивку нашивались ряды блесток, цепочек, мишуры и т. п. Как и мордва-шокша, эрзянки под сорокой носили небольшой волосник, который назывался *чеклик*, т. е. чехол для волос⁷.

В отдельную группу можно выделить головные уборы эрзянок бывшей Саратовской губернии, многие регионы кото-

рой вошли в состав современных Пензенской и Ульяновской областей. Они носили различные названия – *шлыган*, *панга*, *пряс паця*. В их конструкции объединились элементы сороки и мягкой шапки. На данной территории наблюдалось совместное проживание мокши и эрзи, что и предопределило смешение компонентов одежды двух этнических групп мордвы [7, 84]. Эти головные уборы в отличие от эрзянских уборов других регионов не имели твердой основы, представляя собой мягкие шапки, к которым крепились завязки и наспинная часть – *пуло*. Их форма была разнообразной – конической, прямоугольной, квадратной [11, 51–52].

Мокшанки также носили сложные головные уборы типа сороки. Наиболее распространена была *панга*, описание которой находим у П. С. Палласа. Характерными чертами этого головного убора он считал небольшой размер и скромный декор⁸.

Мокшанская панга была нескольких видов. В костюмных комплексах мокши центральной и южной группы (территория Атюрьевского, Ковылкинского, Торбеевского районов Республики Мордовия) она шилась из холста в виде прямоугольника, спереди в него вдевались одна над другой две небольшие дощечки. Панга украшалась лентами, полосками парчи, позумента, розетками и кисточками. Спереди также располагалась геометрическая вышивка. Сзади к очелью пришивалась лопасть. Поверх панги женщины повязывали платок, который укладывали наподобие чалмы. Данный вид панги был распространен до начала XX в. В более поздний период пангу стали делать квадратной формы и носить с двумя платками. Вниз повязывали платок белого цвета, а наверх – цветной.

Еще один вид панги – *бабань панга*, или *платка пула*, – бытовал в ряде селений бывшего Краснослободского уезда Пензенской губернии и Тем-

⁷ ПМА: экспедиция в июне 1998 г. в с. Старый Маклауш Клявлинского района Самарской области (информант: М. И. Михайлова, 1920 года рождения); в с. Старый Байтермиш Клявлинского района Самарской области (информант: П. И. Янкина, 1937 года рождения).

⁸ См.: Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Санкт-Петербург, 1809. Ч. 1. С. 109.

никовского уезда Тамбовской. Это был трапециевидной формы холщовый чепец, сзади которого находился позатылень, спускавшийся на спину. Его декорировали вышивкой и кумачом. Поверх накидывали платок. Молодые мокшанки носили с этим головным убором специальное украшение *кудрят*.

Панга третьего вида была распространена в мокшанских селах Пензенской области, а также в южных районах Мордовии. Она имела квадратную форму и обшивалась кумачом. Очелье украшалось вышивкой с геометрическим орнаментом. Такой головной убор носили с платком, сложенным в длину, – *конявкс* [2, 132].

Элементом костюмного комплекса мокши, проживавшей в юго-западных районах Мордовии и сопредельных с ними районах Пензенской области, был головной убор *златной*, который молодые женщины носили по праздникам. Он имел твердое основание из проклеенного холста в форме цилиндра, а сверху обтягивался шелковой материей темнокрасного цвета. К лобной части пришивалась парчовая, шитая золотом полоса монастырской работы – *златной-коня*. К задней части, которая была несколько выше передней, прикреплялись четыре павлиньих пера, торчащих над передней частью. Под *златной* надевался холщовый чепец-волосник с вставленной спереди для крепости дощечкой. Сзади к нему пришивался хвост – *пулоцьок*, состоящий из двух скрепленных снизу раковин-каури – *кумбрат* и длинной кисти из шелковых нитей [10, 34].

В том же ареале среди мокшанок были широко распространены различные головные полотенца – *платенця* или *пряруця*. Их изготавливали из беленого холста, а позже стали делать из ткани, сотканной из фабричных нитей, – *кручинка*. Концы головных полотенец обычно украшали разноцветными полосами бравого тканья, а также лентами, позументом и бахромой. Головные полотенца часто носили поверх *лосника* (холщового чепца) и *затилки* (прямоугольного куска кумача на холщовой подкладке).

К началу XX в. головные полотенца, а затем и другие традиционные головные уборы мокшанок и эрзянок постепенно стали заменяться фабричными платками. Молодые женщины и девушки стали носить платки более ярких расцветок, а пожилые – спокойных тонов. Мокшанки научились повязывать фабричные платки наподобие своих полотенчатых головных уборов, нашивая на них сутаж, блестящие и кисточки.

Исследование различных типов женских головных уборов мордвы выявило разнообразие их форм, материала изготовления, приемов декора и способов ношения. Особенности этого элемента традиционного костюма были тесно взаимосвязаны с этнической и территориальной идентичностью их носителей. Свои типы головных уборов имели не только представительницы основных субэтносов мордвы (мокши и эрзи), локальные варианты отмечены и в среде более мелких этнических и территориальных групп народа. Данный факт позволяет рассматривать головной убор как один из важных этнодифференцирующих признаков, который визуально демонстрировал окружающим, к какому именно этническому, территориальному, родовому социуму принадлежал их владелец. Недаром английская исследовательница семиотики одежды А. Лурье в работе «Язык одежды» отмечает, что цвет, ткань и покрой одежды являются не прихотью дизайнеров или производителей, а носителями информации о личности человека, его поле, возрасте, социальном статусе, происхождении и т. п. [17, 366].

Носителями подобных сведений были все компоненты традиционных головных уборов, в том числе их декор. Например, поскольку головные уборы, как правило, изготавливались в пору девичества, по орнаменту вышивки можно было судить о принадлежности женщины к определенной родственной группе. В доме мужа молодая женщина первое время скрывала налобную вышивку, маскируя ее рядами цепочек, жетонов, повязкой, лентой или сложенным платком.

По всей видимости, это делалось с целью «уберечься» от немилости со стороны божеств дома и предков мужа, которые «признавали» молодую за свою только после рождения ею нового члена их рода.

Женщины старались спрятать вышивку своих головных уборов и в случае смерти кого-то из родственников. Перед тем как идти на похороны, они повязывали поверх нее длинные полосы холста, которые носили в течение 6 недель. Подобным образом женщины пытались скрыть свою принадлежность к родовому коллективу, куда «пришла» смерть, так как согласно традиционным верованиям в этом случае опасность угрожала всем родственникам усопшего.

Как уже отмечалось, с начала XX в. традиционные головные уборы мордвов практически повсеместно заменяются платками и теряют свое значение маркеров идентичности. Однако надо отметить, что вплоть до настоящего времени женщины, особенно старшего поколения, соблюдают определенные национальные традиции в манере ношения платка. Обычно они надевают на голову два платка: нижний хлопчатобумажный платок светлых тонов повязывают непосредственно на волосы и его концы связывают на затылке, поверх него накидывают шелковый или шерстяной платок, который завязывают под подбородком. В Дубенском районе Республики Мордовия пожилые женщины вместо нижнего платка носят мягкий чепец (*олосник*, *чехлик*), под который подкладывают мягкий округлый валик, имитируя очертание традиционного убора [8, 32–33].

Если в повседневной жизнедеятельности национальный костюм был заменен утилитарными видами одежды, то в празднично-обрядовой сфере он, хотя и в видоизмененном виде, продолжает использоваться. Данную тенденцию можно проследить на примере головного убора руководительницы свадебного поезда – *кудавы* (свахи). В середине XX в., когда мордовский традиционный костюм практически уже не использовался в жизнедеятельности народа, сваха во

время свадебного ритуала надевала его отдельные элементы, в том числе головной убор. У эрзи он сохранял традиционную форму и название (*свахань панго*), но его декор подвергался различным изменениям. Например, в с. Каргалеяка Шемышейского района Пензенской области на нем до последнего времени спереди вышивалось имя свахи [6, 75]. Вероятно, оно заменило традиционную вышивку очелья, которая, как уже говорилось, несла информацию о принадлежности женщины к определенному родственному коллективу. Подобный прием продолжил традиции личной идентификации. У эрзянского населения восточных районов Мордовии бытовал обычай закреплять на очелье головного убора свахи специфическое украшение – *човонь тарад* ‘затылочная ветка’. Его делали из стебля ковыля, который украшали цветами из бумаги [2, 136]. К концу XX в. в этом ареале свахань панго было заменено венком из искусственных цветов – *живой цвет*. Он стал бытовать среди мордвы в 1920–1930-е гг. в качестве праздничного головного убора девушек и молодых женщин. В настоящее время его в торжественных случаях надевают женщины различных возрастов. Девушки нередко дополняют венки разноцветными лентами.

Заключение

Таким образом, вышеназванные головные уборы не только являются важным этническим маркером, но и способствуют сохранению определенных народных традиций, их обновлению и дальнейшему совершенствованию. Нередко даже в тех регионах проживания мордвы, где из памяти местного населения стерлись практически все сведения о традиционной одежде, люди стремятся восстановить ее отдельные элементы. Как правило, это делается представителями фольклорных коллективов или участниками праздников и обрядов. Подобная ситуация наблюдается, например, в с. Кожай-Максимово Ермекеевского района Республики Башкортостан. Согласно переписи 2010 г., в селе зарегистрированы

лишь 6 постоянных жителей. По инициативе бывшей жительницы села Н. С. Бочковой, которая в настоящее время проживает в г. Белебее, в этом населенном пункте возрождено празднование Троицы, на которое съезжаются односельчане из различных регионов нашей страны и зарубежья. Многие из них на праздник надевают изготовленные самостоятельно или специально заказанные националь-

ные костюмы, чтобы показать сопричастность к своему народу⁹.

Традиционный костюм, как и его отдельные элементы, среди которых важное место занимает головной убор, стал своеобразным национальным символом. По мнению финской исследовательницы И. Лехтинен, это особенно характерно для представителей небольших этнических групп [16, 10].

⁹ ПМА: экспедиция в июле 2019 г. в с. Кожай-Максимово Еремеевского района Республики Башкортостан (информанты: М. К. Трофимова, 1942 года рождения; Н. С. Бочкова, 1956 года рождения).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белицер В. Н. Мордва-карагаи и их культура (К вопросу о происхождении) // Вопросы этнической истории мордовского народа. Москва, 1960. С. 227–256. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР; вып. 1).
2. Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. Москва: Наука, 1973. 216 с.
3. Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. 228 с.
4. Ежова В. П. Этнографическая характеристика одежды мордовского населения Теньгушевского района МАССР // Ученые записки Мордовского педагогического института. Сер.: Общественные науки. Саранск, 1956. Вып. 4. С. 135–154.
5. Зеленин Д. К. Русская этнография. Москва: Ин-т русской цивилизации, 2013. 672 с.
6. Корнишина Г. А. Знаковые функции и символические категории традиционной мордовской одежды в свадебном цикле // Финно-угорский мир. 2009. № 3. С. 66–77.
7. Корнишина Г. А. Этническая структура и особенности этнокультурного функционирования мордовского населения Ульяновской области // Финно-угорский мир. 2018. Т. 10, № 2. С. 77–89. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.02.077-089
8. Корнишина Г. А., Писарев Е. А. Социовозрастная регламентация головных уборов мордвы // XLV Огаревские чтения: материалы науч. конф.: в 3 ч. Саранск, 2017. Ч. 3. С. 28–33.
9. Лузгин А. С. Народные промыслы мордовского края. Вторая половина XIX – начало XX в. (этнокультурные аспекты). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2016. 272 с.
10. Спрыгина Н. И. Одежда мордвы-мокши Краснослободского и Беднодемьяновского уездов Пензенской губернии: По материалам экспедиции 1925 г. Пенза: Типо-литография им. Воровского, 1928. 47 с. (Средне-Волжский Пензенский областной музей; вып. 3).
11. Степанов П. Д. Головные уборы мордовских замужних женщин в Саратовской губернии // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1928. Вып. 35, ч. 5. С. 40–64.
12. Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1910. 848 с.
13. Шигурова Т. А. Народная одежда в жизни общества // Культура и искусство. 2018. № 12. С. 62–67.
14. Шигурова Т. А. Семантика картины мира в традиционном костюме мордвы: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. 154 с.
15. Heikel A. O. Mordvalaisten pukuja ja kuoseja = Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1899. XXVII + 43 + 63 p. + CXCIX Die Tafeln. (Travaux ethnographiques de la Société Finno-Ougrinne I).
16. Lehtinen I. Marien mekot: Volgan Suomalaisten kansanpukujen muutoksista. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999. 144 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Kansatieteellisiä julkaisuja; 16).
17. Lurie A. The Language of Clothes. New York: Henry Holt, 2000. 272 p.
18. Mainof W. Les Restes de la Mythologie mordvine // Journal de la Societe finno-ougrienne. 5. Helsinki, 1889. P. 4–291.
19. Tamjärv M. Eesti rahvarõivad = Эстонский народный костюм. Tallinn: KPD Kirjastus, 2010. 112 lk.

Поступила 16.02.2020, опубликована 07.08.2020

MORDOVIAN TRADITIONAL WOMEN'S HEADRESSES IN THE CONTEXT OF THEIR ETHNIC AND TERRITORIAL IDENTITY

Galina A. Kornishina,

*Doctor of History, Professor, Department of Russian History,
National Research Mordovia State University
(Saransk, Russia), g.kornihina@mail.ru*

Introduction. Being one of the elements of the traditional costume, headdresses retained ethnic characteristics for a long time. They were special markers of the ethnically determined worldview of their carriers and indicators of their ethnic and territorial identity. Women's headdresses retained these identifying features the longest. The study was conducted in order to create a typology of women's headdresses, which were traditional among the Mordovian population, in the context of the ethnic and territorial identity of their carriers.

Materials and Methods. The article considers the materials contained in research giving an idea of the problem. It also examined and generalized the author's field materials collected in ethnographic trips. To achieve the goal of the study, a comparative historical method was used.

Results and Discussion. The study of various types of Mordovian women's headdresses has revealed the diversity of their forms, material, decoration techniques and ways of wearing. The specific features of the elements of the traditional costume were closely interconnected with the ethnic and territorial identification of the people they belonged to. Both the main sub-ethnic groups of the Mordovians (Moksha and Erzia) and minor ethnic and territorial groups of the people had their own types of headdresses marked by their own local features.

Conclusion. The female headdress of Mordovians was one of the important differentiating ethnic features, which visually showed ethnic, territorial, tribal community belonging. To some extent this function is preserved at the present time. Even in those regions where Mordovians live and where almost all information about traditional clothes was erased from the memory of the local population, people tend to restore its individual elements, including headdresses, which become a kind of national symbol, a sign of ownership of their people.

Key words: Moksha; Erzia; headdresses; local complexes; ethnic identity; ethnocultural markers.

For citation: Kornishina GA. Mordovian traditional women's headdresses in the context of their ethnic and territorial identity. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 2: 184–193. (In Russian)

REFERENCES

1. Belicer VN. Mordva-karatai and their culture. *Voprosy etnicheskoi istorii mordovskogo naroda* = Issues of ethnic culture of the Mordovian people. Moskva; 1960; 1: 227–256. (In Russian)
2. Belicer VN. Mordovian national clothes. Moskva; 1973. (In Russian)
3. Gagen-Torn NI. Women's clothing of the peoples of the Volga region. Cheboksary; 1960. (In Russian)
4. Ezhova VP. Ethnographic characteristics of clothing of the Mordovian population of the Tengushevsky district of the MASSR. *Uchenye zapiski Mordovskogo pedagogicheskogo instituta* = Scientific notes of the Mordovian Pedagogical Institute. Saransk; 1956; 4: 135–154. (In Russian)
5. Zelenin DK. Russian ethnography. Moskva; 2013. (In Russian)
6. Kornishina GA. Sign features and symbolic categories of traditional Mordovian clothing in the wedding cycle. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2009; 3: 66–77. (In Russian)
7. Kornishina GA. Ethnic structure and features of ethno-cultural functioning of the Mordovian population of the Ulyanovsk region. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2018; 10; 2: 77–89. DOI: 10.15507/2076-2577.010.2018.02.077-089 (In Russian)
8. Kornishina GA, Pisarev EA. Socio-age regulation of headdresses of the Mordva. *XLV Ogarevskie chteniia: materialy nauch. konf. Ch. 3: Gumanitarnye nauki* = XLV Ogarevsky readings: materials of the scientific conf. Part 3: Humanities. Saransk; 2017: 28–33. (In Russian)
9. Luzgin AS. Traditional crafts of the Mordovian region. Second half of XIX – beginning of XX century (ethnocultural aspects). Saransk; 2016. (In Russian)
10. Sprygina NI. Clothing Mordovia-Moksha Krasnoslobodsky district of the Penza pro-

- vince. According to the materials of the expedition of 1925. Penza; 1928; 3. (In Russian)
11. Stepanov PD. Headdresses of Mordovian married women in the Saratov province. *Trudy Nizhne-Volzhskego oblastnogo nauchnogo obshhestva kraevedeniia* = Proceedings of the Lower Volga Regional Scientific Society of Local History. Saratov; 1928; 35; 5: 40–64. (In Russian)
 12. Shahmatov AA. Mordovian Ethnographic Collection. Sankt-Peterburg; 1910. (In Russian)
 13. Shigurova TA. Folk clothing in the life of society. *Kul'tura i iskusstvo* = Culture and art. 2018; 12: 62–67. (In Russian)
 14. Shigurova TA. The semantics of the picture of the world in a traditional Mordovian costume. Monograph. Saransk; 2012. (In Russian)
 15. Heikel AO. Mordvalaisten pukuja ja kuoseja = Trachten und Muster der Mordvinen. Helsingfors; 1899; 1: XXVII + 43 + 63 p. + CXCIX Die Tafeln. (In Finnish and German)
 16. Lehtinen I. Marien mekot. Volgan Suomalaisten kansanpukujen muutoksista. Helsinki; 1999; 16. (In Finnish)
 17. Lurie A. The Language of Clothes. New York; 2000. (In English)
 18. Mainov W. Les Restes de la Mythologie mordvine. *Journal de la Societe Finno-Ougrienne*. Helsinki; 1889; 5: 4–291. (In French)
 19. Tamjärv M. Eesti rahvarõivad = Estonskii narodnyi kostjum. Tallinn; 2010. (In Estonian)

Submitted 16.02.2020, published 07.08.2020